

Н.С. Розов

МАКРОСОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Рассматриваются ранние этапы складывания и развития языков от завершения антропогенеза и выхода сапиенсов из Африки до переходов к письменности. Эпохи характеризуются отсутствием прямых данных о языковых реалиях, поэтому опорой для суждений служат общие социальные закономерности, а также этнографические аналогии, в частности, реконструированные социальные структуры и языковое состояние индейцев Северной Америки.

Ключевые слова: эволюционная лингвистика; макросоциальные закономерности; геополитика; геокультура; геоэкономика

Африканский «котел сапиентации» и эффект катастрофы «вулканической зимы»

Древнейшие гоминиды, затем протосапиенсы и ранние сапиенсы жили малыми группами, максимум альянсами групп. Это означает, что изначальное разнобразие групповых коммуникативных практик было весьма велико.

Африканские эректусы и протосапиенсы после уверенного освоения огня и прогресса охотничьих практик (ок. 350–200 тыс. лет назад), вследствие демографического роста, относительно быстрых изменений климата, ландшафтов, роста географической стесненности, все чаще мигрировали, сталкивались между собой, конфликтовали, воевали и образовывали союзы, подкреплявшиеся перекрестными браками. При этом число первых протоязыков закономерно сокращалось по мере межгруппового отбора и включения выживших групп в альянсы.

Климатические бедствия производили самый суровый отбор среди групп, их альянсов, а значит языковых сообществ. Самое узкое «бутылочное горлышко» ученые связывают с «вулканической зимой» после извержения индонезийского вулкана Тоба ок. 74 тыс. лет назад [1, 2]. Катастрофа резко сократила популяцию ранних сапиенсов. Выживали те, кто лучше приспособивался, овладевал практиками межгрупповой поддержки и взаимопомощи. Этот «ценз» прямо связан с уровнем развития речевой коммуникации. Условно примем в качестве среднего числа членов сообщества с отдельным языком 50–100 чел. Тогда получается, что в период минимальной численности сапиенсов на всей планете (по средней оценке 15 тыс. чел.) в Африке существовало 150–300 языковых сообществ и столько же древнейших языков. Именно эти группы и альянсы ранних сапиенсов стали бурно плодиться при восстановлении климата и пищевой базы, заняли все ранее пригодные для жизни земли Африки, а многие стали по мере возможностей проникать в Евразию.

В результате «эффекта основателей» выжившие после «бутылочного горлышка» сообщества стали прародителями человечества, а их языки – прародителями всех последующих языков. Число современных языковых семей составляет примерно 200–250 (<https://www.ethnologue.com/browse/families>), что вполне соответствует числу древнейших языковых сообществ в эпоху самого узкого «бутылочного горлышка».

Дефицит данных о последующем развитии языков вынуждает с особым вниманием отнестись к общим принципам и закономерностям.

Закономерности языковой эволюции в преистории

Если численность языкового сообщества растет, то при росте демографического давления части его мигрируют, ищут безопасные, богатые ресурсами, привлекательные по остальным параметрам места для жизни, входят в конфликтные или мирные отношения с туземными сообществами.

Миграции приводят как к расхождению диалектов и языков, так и к их взаимопроникновению с соседними языками благодаря новым контактам переселившихся языковых сообществ.

В условиях долгой изоляции мигрантов от материнского сообщества и других мигрантов, ранее общий язык распадается на диалекты или даже на самостоятельные языки, но они остаются в одной семье, находятся между собой в «настоящем» – *лингвогенетическом* – родстве.

При *долгих тесных взаимодействиях*, политической, экономической и культурной (особенно религиозной) интеграции сообществ с разными диалектами, особенно при свободных и частых перекрестных браках, диалекты сливаются в общий язык или побеждает диалект господствующей группы.

Язык может также в своем развитии *отдаляться от соседних языков при отчуждении* (особенно религиозном) и рецидивизирующих войнах.

Языковая непрерывность и диглоссия вместо единого «праязыка»

Согласно классической концепции языковой непрерывности (Адольф Пикте), живущие на окраинах смежных сообществ понимают друг друга, а по мере удаленности языковых сообществ их способность к взаимопониманию ступенчато снижается. Такую картину в Новой Гвинее в 1870–1880-х гг. наблюдал Н.Н. Миклухо-Маклай. Исследователи обнаружили сходную языковую обстановку в ойкуменах Австралии, Африки, Океании. Данную модель подтверждают также *диалектные континуумы* – достаточно частое явление (в Западной Европе, на Балканах и не только).

Жизнь североамериканских индейцев Великих Равнин представляла более сложную картину, еще не деформированную европейским нашествием. Этот

случай интересен структурным сходством с более ранним заселением сапиенсами просторов Евразии.

Европейцы застали в Северной Америке ок. 600 индейских племен с 396 языками. Многие племена, особенно на Великих Равнинах, объединялись в военно-политические союзы – лиги, или конфедерации. Существовали и другие социальные формы, связывающие племена: фратрии, разнообразные открытые и закрытые, даже тайные, общества типа братств, клубов и др. [3. С. 103–106]. Происходили спорадические конфликты, проводились регулярные ритуальные встречи с переговорами, пирами, учреждением новых альянсов. Это был динамичный политический и культурный мир с богатством языков и мифов, изощренной брачной политикой, сложными системами родства. Сложная социальная структура была связана с тем, что многие индейцы владели не одним, а двумя и даже более языками. Остатки этого явления фиксируются по сию пору [3. С. 49].

Вернемся к эпохе заселения Евразии сапиенсами ок. 55–20 тыс. лет назад. Обе модели – языковая непрерывность контактирующих локальных сообществ и сложная динамичная структура с иерархиями – не противоречат друг другу, а скорее, взаимодополнительны.

В центральных богатых ресурсами областях следует ожидать большую плотность населения, частые контакты и сложные структуры альянсов. Здесь люди, особенно вожди и члены сквозных сообществ, связывающих племена, в том числе отдаленные, владели наряду с местным родным также одним, двумя или более языками соседей либо же *региональными* языками межплеменного общения. Здесь имела место, как минимум *диглоссия* – двуязычие.

На бедных ресурсами окраинах локальные поселения были более изолированы, общение ограничивалось контактами с соседями, поэтому здесь, скорее, следует ожидать близость к модели «языковой непрерывности».

Даже речи не может быть о каком-то едином «ностратическом» или даже «праиндоевропейском» языке, который будто бы разделился на десятки языковых семей.

Переход к неолиту, этногенез и политическая эволюция

Наиболее интенсивно практики животноводства и земледелия развивались в долине Нила и «плодородном треугольнике» (Средний Восток), в других плодородных долинах (Инд, Хуанхэ). С переходом к неолиту и оседлости ранее зачаточные процессы *этногенеза* обрели настоящую силу. Шла *политическая эволюция* (по Р. Карнейро) вначале в регионах наибольшей географической (долины Нила и Инда, Месопотамия, побережье нынешнего Перу) и социальной стесненности (долины Мехико и Хуанхэ).

Вследствие войн и образования союзов чифдомы, или вожества, сменялись сложными чифдомами, за которыми следовали протогосударства, государства и, наконец, империи [4].

Языки и диалекты, будучи в некотором смысле *симбионтами* языковых сообществ самого разного масштаба, эволюционировали в тесном сопряжении с геополитическими и другими макросоциальными процессами.

Формирование крупных общностей и миросистемные языки

С давних времен общества, государства, политики объединялись через завоевания, обмены и культурную диффузию (преимущественно религиозное мессианство) в *миросистемы* трех соответствующих типов:

- рыхлые, неустойчивые *мир-империи* и более централизованные, крепкие *империи* с военно-политическими принудительными связями;

- *мир-экономики* со товарным обменом, как правило несимметричным;

- *культурно-религиозные ойкумены* [5, 6].

Цивилизации как поликультурные общности складывались первоначально на основе миросистемы того или иного типа, но со временем дополнялись связями всех типов в силу всегда продолжавшейся геополитической, геоэкономической и геокультурной динамики.

В миросистемах складывались языки, охватывающие множество обществ, политий с их региональными языками и малыми местными языками, диалектами, говорами.

Таковыми были *имперские языки*, распространявшиеся из завоевательного хатленда, различные *lingva franca* в сети торговых узлов (наряду со языком средиземноморской сети, давшим это имя) и *священные языки*, на которых были написаны основополагающие книги прозелитических, в том числе мировых, религий.

Языки межэтнического и транснационального общения могут менять свой характер, соединять в себе разные черты (таковы египетский, шумерский, аккадский, койне, латынь, иврит, арабский, тюркский и турецкий, санскрит, авестийский, древнеперсидский, древнекитайский, древнерусский, древнескандинавский, древнегерманский, *науатль* – язык ацтеков, *кечуа* – язык инков и др.). Поэтому далее для простоты все языки, охватывающие крупную многоязычную ойкумену, будем называть *миросистемными*.

Макросоциальные факторы развития языков в эпоху государств, империй и первых мир-экономик

Укрупнение политий от вожеств до государств и империй должно было вести к ступенчатому уменьшению числа *региональных* языков. Действительно, одни политии проигрывали войны, уничтожались как целостные структуры, их правящие этнические группы теряли легитимность, рассыпались, что вело и к дискредитации, подавлению их языка. Другие политии подчинялись новому гегемону, встраивались в имперскую структуру, их элиты стремились или полностью перенять язык победителей, становящийся *миросистемным*, или приспособить к нему свой язык.

Геополитические процессы включают все изменения в структурах военно-политического контроля над территориями. Эти факторы языковых изменений являются самыми мощными, поскольку вызывают крупные сдвиги во всех остальных сферах (от миграций до социальных революций), формируют отношения солидарности, престижа, вражды, отчуждения.

Завоеватели навязывают свой язык, хотя бы для осуществления принудительных практик, но устранить языковое многообразие они не были способны до позднейших времен.

Большой и прочный успех языковой экспансии достигается только при достижении легитимности нового правления (обычно через прозелитическую религию). В противном случае к навязываемому языку-гегемону растет враждебность, а языки завоеванных окраин становятся мобилизующими знаменами тлеющих или разгорающихся национально-освободительных (сепаратистских) движений [5. С. 425–436].

Еще есть третий вариант, видимо, распространенный в эпоху, когда завоевания вели не столько государства с армиями, чиновниками и священством, сколько *подвижные орды, преимущественно состоявшие из мужчин*. Захватив власть в стране, они неизбежно оставляли смешанное потомство, растворялись в местной популяции, вероятно, составляя костяк местной элиты – правителей-военачальников, нобилей-землевладельцев и высшего священства. Без институциональной и семейной поддержки их язык исчезал, но *значительная лексическая инфильтрация, скорее всего, имела место*, причем на обширных пространствах.

Геокультурные процессы связаны, прежде всего, с распространением религий и идеологий, с динамикой престижа обществ, государств, народов, соответственно, со сменами направленности продвижения культурных образцов. Распространение разнообразных культов вполне можно считать легитимирующей частью военно-политических процессов. С появлением письменности и специализированных жреческих организаций, монастырских школ, центров, способных переписывать старые тексты и производить новые, готовить миссионеров, геокультура обрела автономную динамику, хотя еще долгое время тесно сопрягалась с геополитикой (неслучайно священники сопровождали военным).

Геоэкономические процессы представляют собой коммерческие контакты (в самом широком смысле), пересекающие политические границы, а значит, почти всегда и языковые границы [6]. Вследствие этих контактов образуются пиджины, а также происходит инфильтрация одного языка (как правило, принадлежащего геоэкономическому гегемону как более престижному) в языки сообществ-партнеров (более бедных, периферийных, отсталых).

Факторы развития языков внутри обществ

Сообщества и государства реализуют языковые стратегии через контроль над образованием, а родители – через языковое обучение детей в семьях, призыв к тому, чтобы они говорили на своем «пра-

вильном» языке, не говорили на чужом и чуждом языке «врагов», «угнетателей» или «дикарей».

Изменения в классовой, сословной и этнической сферах неизбежно сказываются на языковой конфигурации в обществе, но через сложные механизмы, пока что недостаточно изученные. Следующие принципы представляются важнейшими.

Формирование «основного языка», доминирующего в обществе (а иногда и в своей языковой семье), является закономерным следствием политического, экономического, культурного, а значит, и лингвистического господства одной группы, как правило, высших и средних слоев столицы или хартленда [5. С. 131–195].

Язык всегда является маркером статуса и принадлежности к слою или сообществу. Находящиеся «внутри» обычно стремятся утвердить свой статус, а следовательно, сохранить языковые особенности.

Стремящиеся попасть в более престижный круг подражают его языку.

Отвергнутые и испытывающие отчуждение к такому кругу склонны и отдалять от него свой говор (диалект) либо вовсе переходить на иной язык (например, язык потенциальной союзной державы или охватывающей державы для ирреденты).

Чем больше браков между представителями языковых сообществ, тем сильнее языки будут интегрироваться. Если браки между частями языкового сообщества прекращаются (из-за политического распада, религиозного раскола, серии войн), то будут расходиться и говоры вплоть до формирования диалектов. Минимизация остальных контактов (торговли, культурных обменов) ведет к обособлению диалектов в языки.

При относительной социальной стабильности вышеуказанные закономерности действуют вместе и ведут к сложным конфигурациям языкового разнообразия в каждом обществе и между ними.

В периоды социальных потрясений языки также переживают быстрые и существенные пертурбации. Так, язык, диалект и даже говор (характерный, для определенной профессиональной, этнической или конфессиональной группы) могут стать маркером «своих» в мятежах и революциях. При политической победе восставших именно этот вариант языка будет иметь лучшие шансы на распространение.

Уровни общности миросистемных, государственных, региональных языков не могли быть одинаковыми в разных ойкуменах, странах или местностях. Они были выше при более централизованном управлении, лучших коммуникациях, развитой бюрократии и торговле. При географической расчлененности (например, горами), низкой централизованности, слабой зачаточной бюрократии и при отсутствии межрегиональной торговли региональные языки сильнее отличались друг от друга и от доминирующего языка столицы (имперского, государственного).

Формирующая роль переходов к письменности

Неслучайно именно *миросистемные языки первыми получали письменную форму*. Содержание древнейших надписей на храмовых стенах, мемориалах, стеллах и других культовых сооружениях имеет рели-

гиозно-мифологический, генеалогический, имперско-административный, правовой характер (границы между этими аспектами были весьма зыбкими, если вообще присутствовали). Таким образом, самые ранние известные нам языки, представленные в записанных текстах (а не теоретически реконструированные), являются *языками империй и имперских религий*.

Письменность играла роль *структуры*, обеспечивавшей административные, фискальные, легитимационные *заботы империй*, *экономические заботы* фиксации торговых документов и бухгалтерских записей, *религиозные заботы* унификации и распространения священных текстов.

Позднейшие переходы к письменности региональных и местных языков всегда были связаны с *национальной и этнической политикой*: с появлением и заботами легитимации новых государств, с культурной политикой империй в отношении «варварских» провинций, с подъемами этнического самосознания и т.п.

Кодификация устной стихии в письме была во многих случаях *настоящим созданием самого языка*. Иными словами, каждому из современных языков (в частности, европейских), известных по первым зафиксированным текстам (например, глоссам – вкраплениям в латинские тексты, правовым кодексам, переводам Библии или ее частей), *не предшествовал какой-то готовый устный язык*, а предтечей была сложная языковая обстановка: множество говоров, диалектов, один или более языков межэтнического общения (региональных, «священных», администра-

тивных), уже записанные языки соседних сообществ, доступные конкурирующие азбуки и т.д.

Процесс обретения письменности всегда был творческим процессом, в котором к языку, выбранному в качестве базового, присоединялись разнородные элементы языкового окружения при огромном влиянии геополитических и геокультурных (конфессиональных, идеологических) факторов.

Следовало закрепить «правильное» написание вариантов каждого слова, «правильные» грамматические конструкции при наличии множества диалектных версий. Отчасти вследствие сложившейся политической, культурной конфигурации (на кого хочется быть более похожим, а от кого отдалиться), отчасти из-за случайных и субъективных факторов (кто именно взялся за создание письменного языка данного народа, его образование, геокультурные и политические предпочтения) выбирался тот или иной вариант либо, что наиболее вероятно, какой-то компромисс доступных вариантов.

Тем самым в новой национальной письменности закреплялись принятые ранее *местные варианты произношения* слов, написанных на более раннем *миросистемном* – имперском и/или священном языке. Именно зафиксированный таким образом вариант становился официальным национальным языком, а остальные варианты (ранее равноправные с ним) оставались в статусе диалектов, говоров.

Рассуждения и сформулированные принципы призваны стать полезными эвристиками в мультидисциплинарных исследованиях языковой эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Williams M.A.J., Ambrose S.H., van der Kaars S., Ruehleemann C., Chattopadhyaya U., Pal J., Chauhan P.R. Environmental impact of the 73ka Toba super-eruption in South Asia // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2009. № 284, Vol. 3–4. P. 295–314.
2. Osipov S., Stenchikov G., Tsigaridis K., LeGrande A.N., Bauer S.E., Fnais M., Lelieveld J. The Toba supervolcano eruption caused severe tropical stratospheric ozone depletion // *Communications Earth and Environment*. 2021. № 2. P. 71. URL: <https://www.nature.com/articles/s43247-021-00141-7>
3. Уайт Д.М. Индейцы Северной Америки. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2006. 314 с.
4. Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина [и др.]. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–70.
5. Коллинз Р. Макроистория: опыты социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с.
6. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 9 ноября 2021 г.

Macrosocial Regularities of Language Evolution

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 132–136.

DOI: 10.17223/15617793/473/16

Nikolai S. Rozov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nrozov@gmail.com

Keywords: evolutionary linguistics; macrosocial patterns; geopolitics; geoculture; geoeconomics.

The aim of the article is to unite into a single conceptual whole studies of glottogenesis as the origin and early evolution of languages during the formation of Homo Sapiens and in preliterate epochs of prehistory, studies of the political evolution of tribes, chiefdoms, polities, studies of the formation of states, empires, world-economies, civilizational analysis, historical sociolinguistics, reconstruction of proto-languages – areas of research that are very heterogeneous and still almost isolated from each other. The main difficulty of the approach is the lack of direct data (empirical material) about linguistic evolution in the preliterate era. Therefore, the construction of a holistic picture of linguistic evolution is forced to rely on general macrosocial patterns, ethnographic analogies, and their comparison with indirect data from such areas as paleoclimatology, paleogeography, archeology, sociolinguistics. Not so much the conclusions as the most probable scenarios and patterns of global linguistic evolution are reconstructed on these foundations as follows. The African “cauldron of sapientation” up to 80–70 thousand years ago functioned thanks to the interaction of many groups of hominids and strict selection between them. The effect of the “volcanic winter” catastrophe approximately 74 thousand years ago led to depopulation as a result of which groups and alliances of early Sapiens (about 200 linguistic communities) with the highest level of cognitive abilities survived in Africa. This level was distinguished by the already fully developed languages, with which the Sapiens began to settle in Eurasia, on other continents, on the islands of Oceania. Probably, these ancient languages became the

progenitors of all languages known today, traditionally united in 150–200 language families. It is shown that the further evolution of languages was closely associated with the political evolution according to Robert Carneiro (from villages and chiefdoms to states and empires). More or less well-known features of the societies and languages of North American Indians are used as an analogy for the social and linguistic evolution of the Sapiens in Eurasia. A summary of the known patterns of linguistic changes due to geopolitical, geocultural and geoeconomic shifts, as well as in connection with social dynamics within societies is presented. The main roles were played by conquests, resettlements, military-political alliances, religious and trade relations, and marriage policy. In societies, languages are influenced in a certain way by shifts in class and estate structure, in interethnic relations. Particular attention is paid to the transition to writing. Mastering writing has always been a creative process in which heterogeneous elements of the linguistic environment were used. Partly because of the prevailing political and cultural configuration, partly because of random and subjective factors, one or another language option was chosen, or, most likely, it was some kind of a compromise from the available options. It is this compromise variant that became the official national language, while the rest (previously equated to it) variants remained in the status of dialects.

REFERENCES

1. Williams, M.A.J. et al. (2009) Environmental impact of the 73ka Toba super-eruption in South Asia. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 3–4 (284), pp. 295–314.
2. Osipov, S. et al. (2021) The Toba supervolcano eruption caused severe tropical stratospheric ozone depletion. *Communications Earth and Environment*. 2. [Online] Available from: <https://www.nature.com/articles/s43247-021-00141-7>
3. White, J.M. (2006) *Indeytsy Severnoy Ameriki. Byt, religiya, kul'tura* [Everyday Life of the North American Indians]. Moscow: Tsentrpoligraf.
4. Carneiro, R.L. (2006) *Teoriya proiskhozhdeniya gosudarstva* [A theory of the origin of the state]. Translated from English. In: Grinin, L.E. et al. (eds) *Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [Early state, its alternatives and analogues]. Volgograd: Uchitel'. pp. 55–70.
5. Collins, R. (2015) *Makroistoriya: opyty sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English. Moscow: URSS.
6. Wallerstein, I. (2006) *Mirosistemnyy analiz: Vvedenie* [World-systems analysis: An introduction]. Translated from English. Moscow: Territoriya budushchego.

Received: 09 November 2021